

« Сибирский вестник политики, литературы
и общественной жизни » Томск, 1893, 10 марта, № 29

с. 3

Омские письма

ничего дурного пока не предвидится. Правда, въ воображеніи обывателя стоитъ призракъ страшнаго азіатскаго пугала, но, вѣдь, возможно, что пугало это къ намъ не вернется и даже почти навѣрное не вернется, если мы строго будемъ слѣдовать всѣмъ санитарнымъ и гигиеническимъ указаніямъ, которые намъ сданы.

Съ наступленіемъ весны ожидается закладка вокзала желѣзной дороги, возобновленіе постройки собора и, говорятъ, подвинется впередъ вопросъ о постройкѣ каменнаго театра. Дѣйствительно, о возобновленіи стараго театра, въ грудѣ обломковъ вваливагося на берегу Оми, нечего и думать, потому что часть матеріала сгнила, часть попорчена при разборкѣ; а что было лучше употреблено на устройство временнаго театра въ манежѣ.

Если справедливы слухи, что на каменный театръ набирается 30 т. рублей, мнѣ кажется, — не надо хорошее дѣло откладывать въ долгій ящикъ, а, напротивъ, слѣдуетъ немедленно приступить къ началу постройки и въ тѣ три-четыре года, пока зданіе будетъ возводиться, устраивать подписки, аллеги и просить драматическое общество давать почаще спектакли, сборы съ которыхъ вносить въ строительный фондъ.

Кстати драматическое общество наше, поставивъ одинъ спектакль, почти цѣлый мѣсяцъ бездѣйствовало и вмѣсто всѣми ожидаемой комедіи «На новыхъ началахъ», поставило 24 января *Въ осажденномъ положеніи* — ком. Крылова и шутку Чехова — *Медвѣдь*. Что сей сонъ значить? Чѣмъ объяснить подобную апатію возродившагося кружка, имѣющаго, какъ я слышалъ, до 2000 руб. долгу? Дарчинъ оказывается открывался весьма просто: одна изъ любительницъ военнаго кружка взяла на себя главную роль въ новой пьесѣ, продержала ее довольно долго и затѣмъ отказалась, подъ предлогомъ, что роль эта для нее слишкомъ серьезна. Пришлось поневоле ставить какой нибудь спектакль и потому возобновили «Осажденное положеніе» и «Медвѣдь».

А мы было порадовались слуху о сліяніи кружка домашнихъ любителей съ драматическимъ обществомъ. Оказывается преждевременно радоваться ничему не слѣдуетъ. Спектакль этотъ прошелъ очень дружно

и съ большимъ ансамблемъ. Изъ исполнителей особенно выдѣлились Марфа, старая нянька и Васинька; остальные провели свои роли вполне безукоризненно, за исключеніемъ, впрочемъ, дебютантки, исполнявшей роль Лидіи, жены Васиньки, которая оказалась очень слабой.

«Медвѣдь» не только прошелъ хорошо, но даже произвелъ среди прекраснаго пола некоторую сенсацію. Дѣло въ томъ, что въ чеховской шуткѣ выведенъ помѣщикъ, отставной офицеръ, который врывается въ домъ вдовушки-помѣщицы за полученіемъ долга, держитъ себя грубо, настоятельно требуетъ деньги и бранитъ всѣхъ вообще женщинъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Онъ говоритъ, что женщины — сплетницы, ломаки, кривляки и т. п. Въ женскую вѣрность не вѣритъ безусловно; женскую логику называетъ турнюрной и считаетъ воробьи умиѣ любого философа въ юбкахъ. За это вдовушка называетъ его мужикомъ, медвѣдемъ, бурбономъ и сбегается стрѣлится съ нимъ на дуэли, но дѣло кончается примиреніемъ, предложеніемъ и объятіями.

Нѣкоторые неземныя созданія нашли роль офицера неприличной, грубой и во всемъ обвинили исполнителя.

— Да, помилуйте, говорю я одной, вѣдь это Чеховъ такъ написалъ, при чемъ же тутъ исполнитель?

— Какъ это при чемъ!.. Онъ могъ-бы, какъ нибудь... ну, переименовать... наконецъ, совсѣмъ выбросить!..

— Полноте, что вы, говорю. Еслибъ исполнитель былъ вѣжливъ, какъ французскій маркизъ, тогда онъ не былъ-бы медвѣдемъ и бурбономъ; а значить не было-бы и пьесы.

— Такъ пусть такіе гадкіе пьесы не ставятся! воскликнула разгнѣванная особа.

Мнѣ осталось только пожать плечами и прійти къ заключенію, что Чеховъ во многомъ правъ и что шутка его нѣкоторымъ попала не въ бровь, а прямо въ глазъ. Не даромъ-же еще Шекспиръ сказалъ:

«О, женщины!... ничтожество вамъ имя!... Вслѣдъ за этимъ спектаклемъ, въ пользу омскаго благотворительнаго общества 3 февраля поставлена была, давно ожидаемая, комедія соч. Ге — «На новыхъ началахъ» и Такъ ужъ на роду написано — шутка соч. Ломакина.

Пимен Сибирскій